

Цзянь Суйчжоу, разумеется, не знал, какими словами его честили в том тайном письме. Он с удовольствием прохладился в Министерстве ритуалов, а вернувшись в поместье, сразу скрылся в своем кабинете. Благодаря недавней беседе Цзи Ю стал относиться к нему заметно теплее и сегодня даже одолжил два свитка для прочтения. Разумеется, это были две книги по неофициальной истории — «еши».

(Еши — неофициальные исторические хроники и частные записи. В отличие от официальной истории «чжэнши», они часто содержат дворцовые сплетни, легенды и подробности личной жизни исторических лиц, которые не заносятся в государственные архивы.)

Цзянь Суйчжоу, памятуя о своем печальном опыте, недолюбливал подобные труды. Поблагодарив Цзи Ю за доброту, он спрятал книги и небрежно бросил их на край стола. Пусть читает кто хочет, а он не намерен снова рисковать и проваливаться в какую-нибудь очередную эпоху. К тому же, у него были дела поважнее — например, тайное послание от двух чиновников.

Он проявил крайнюю осторожность: спрятал письмо еще утром и только теперь, убедившись, что вокруг никого нет, развернул его. Как он и предполагал, письмо не содержало особо ценных сведений. Эти двое не были высокопоставленными лицами, они просто служили в Министерстве работ. Поэтому, как только дело передали их ведомству, они разузнали об объемах бюджета и о том, кто назначен главным. Они даже провели расчеты для Цзянь Суйчжоу, прикинув, сколько «наvara» сможет собрать на этом проекте Пан Шао. Сумма оказалась внушительной. Авторы письма, видимо, тоже занервничали и спрашивали, стоит ли им попытаться внедрить в проект своих людей.

Цзянь Суйчжоу погрузился в раздумья.

Основываясь на том, что он теперь знал о прежнем владельце тела, тот наверняка попытался бы что-то предпринять. Даже не надеясь на взаимность, даже неся убытки, он бы все равно попробовал.

Однако Цзянь Суйчжоу понимал: все это совершенно бесполезно. Пан Шао ни за что не позволит ни одному чиновнику, в котором он не уверен, прикоснуться к деньгам. Поэтому, даже если внедрить своих людей, до выделенного казной серебра они не доберутся. В такой ситуации соглядатаи смогут лишь собирать доказательства растрат, чтобы донести на него двору...

Но в каких отношениях Пан Шао с Повелителем, и в каких — он сам? Очевидно, это значило бы подставиться под удар, будто он сам боялся, что государь не найдет повода с ним разделаться. К тому же это выставит преданных ему чиновников на передовую, где Пан Шао с легкостью их погубит. Читая исторические хроники до своего перемещения, он не раз встречал упоминания о чиновниках Южного Цзина, которые «случайно» погибали на определенных объектах, после чего дела заминались.

Цзянь Суйчжоу не смел рисковать человеческими жизнями. Поразмыслив, он внимательно изучил письмо, запомнил основные цифры и имена, после чего спрятал послание в тайник в столе. Там уже скопилось немало писем, оставленных прежним принцем. В свое время Цзянь Суйчжоу потратил немало сил, чтобы найти это потайное отделение. Именно по этим бумагам он смог примерно определить границы влияния прежнего владельца тела.

Содержащиеся здесь донесения были по большей части разрозненными и мелкими, не представляя большой ценности. Однако по должностям пишущих было ясно: у этих людей нет

реальной власти, и даже эти крохи информации они добывали на пределе своих возможностей. Чиновники с трудом собирали сведения и передавали их принцу, и тот не подводил их — на письмах в ларце повсюду виднелись пометки и подчеркивания, говорящие о том, насколько внимательно он их изучал.

Приложив новое письмо к остальным, Цзянь Суйчжоу аккуратно запер тайник и принялся за ответ. Он не стал отказывать прямо, лишь велел им затаиться и ждать, пока он сам не найдет подходящий момент. Если представится случай внедрить их людей, он немедленно даст знать. К счастью, в кабинете нашлось несколько неоправленных писем прежнего принца, что позволило Цзянь Суйчжоу подражать его стилю.

Закончив писать, он перечитал письмо, дожидаясь, пока высохнет тушь. И невольно вздохнул.

Прошло три года с тех пор, как Южный Цзин бежал за Янцзы. Страх перед гибелью государства постепенно утих, и, кажется, все смирились с нынешним разделом земель по реке. Так было до тех пор, пока месяц назад Хо Уцзю не повел войска на юг, нарушив хрупкое равновесие, но при переправе остался без подкрепления, попал в окружение и был пленен. Теперь, когда Северная Лян лишилась своего генерала Хо, придворные Южного Цзина окончательно успокоились.

Именно поэтому Пан Шао со спокойной душой погряз в коррупции и захвате власти, а государь — в погоне за удовольствиями. А прежний принц Цзин и стоящие за ним чиновники пытались в этой тесноте вырвать крохи власти у клики Пана, надеясь найти путь к свету сквозь грозовые тучи.

Но никто из них не знал, что их время на исходе, и здание вот-вот рухнет. Они изо всех сил карабкались вверх внутри падающей высоты.

Цзянь Суйчжоу посмотрел в окно. Постепенно он принимал тот факт, что его затянуло в историю, и он стал частью этого бурного потока. И постепенно ему захотелось им помочь.

Когда он вышел из кабинета, уже стемнело. Передав тайное письмо Мэн Цяньшаню, он увидел, как тот привычным жестом спрятал его за пазуху.

Принц спокойно отвел взгляд. Должно быть, из-за слабого здоровья он выглядел неважно после долгого сидения. Заметив его бледность, Мэн Цяньшань заботливо спросил:

— Хозяин, вы утомились, не желаете ли, чтобы я приготовил купальню?

Цзянь Суйчжоу и впрямь чувствовал усталость, поэтому кивнул. Мэн Цяньшань засуетился, выполняя поручение.

Вернувшись в комнату, принц увидел, что ужин уже накрыт. В ярком свете ламп Хо Уцзю сидел и читал книгу. Сколько книг могло быть в его комнате? Все они были принесены Мэн Цяньшанем, чтобы принц не скучал перед сном. Прежний владелец предпочитал заумные конфуцианские трактаты об искусстве управления государством. Цзянь Суйчжоу, привыкший к вэньяню, не находил их скучными, но Хо Уцзю — совсем другое дело. Как человеку, привыкшему к мечу, может быть интересно подобное?

С этой мыслью Цзянь Суйчжоу сел за стол и спросил:

— Читаешь?

Его тон был холодным, подчеркивающим безразличие к занятиям гостя. Он и не ждал ответа, фраза была лишь формальностью. Цзянь Суйчжоу уже хотел велеть Мэн Цяньшаню принести Хо Уцзю что-нибудь полегче, как вдруг услышал низкий, густой голос:

— Просто листаю, — ответил Хо Уцзю.

Цзянь Суйчжоу вздрогнул. Он с недоверием посмотрел на Хо Уцзю, но тот невозмутимо продолжал ужинать. Заготовленные слова застряли в горле. На мгновение воцарилась тишина. Хо Уцзю поднял глаза и мельком взглянул на него. Не показалось ли принцу, что на этот раз, хоть взгляд генерала по-прежнему был холодным и отстраненным, в нем поубавилось враждебности, а давящая аура почти исчезла? В какой-то миг он показался настолько мирным, что Цзянь Суйчжоу подумал, не померещилось ли ему.

Опешив, он быстро скрыл удивление, опустил глаза и, подцепив палочками еду, произнес:

— Мгм. Какие книги ты обычно читаешь? Пусть Мэн Цяньшань принесет тебе что-нибудь.

Он подал знак евнуху, и тот за спиной закивал. Однако Хо Уцзю снова заговорил:

— Не нужно.

Помедлив, он спокойно посмотрел на принца и добавил:

— Я не привык к чужой заботе.

В этих словах был скрытый смысл: речь шла не только о книгах, но и о жертвах принца при дворе, и о переданном письме — Хо Уцзю прекрасно все понимал. Принц Цзин волен любить его, тут он ничего не мог поделать, но принимать эти поблажки и доброту он не желал. За благодеяния нужно платить, а на такие чувства он ответить не мог.

Цзянь Суйчжоу вскинул взгляд; в его глазах промелькнуло мимолетное замешательство, сменившееся холодной усмешкой:

— Когда это я о тебе заботился? Просто хочу, чтобы ты был чем-то занят и не доставлял мне хлопот.

В душе же Цзянь Суйчжоу ликовал.

«Как это "не привык"? Ради моей шкуры мне еще не раз придется о тебе заботиться! Привыкай давай!»

Хо Уцзю нахмурился, собираясь что-то сказать, но увидел, как расплывшийся в улыбке Мэн Цяньшань радостно кивает, обещая подобрать господину побольше книг на выбор. Очевидно, хозяин и слуга не собирались прислушиваться к его мнению.

Хо Уцзю опустил глаза, Цзянь Суйчжоу тоже замолчал, а закончив ужин, отошел в сторону выпить чаю. Настроение у него было добрым.

Когда ночь сгустилась, Мэн Цяньшань подошел к нему и доложил, что купальня готова. Цзянь Суйчжоу отложил книгу и направился во внутренние покои. Обойдя шелковую ширму, он ощутил коснувшийся лица теплый пар. За тяжелыми занавесями горели яркие свечи, чей свет в туманной дымке казался чарующим и интимным.

В центре стояла врезанная в пол резная медная ванна, не слишком большая, шага три-четыре в поперечнике. В ней уже дымилась горячая вода, по поверхности которой плавали лепестки цветов, источая едва уловимый аромат. Несколько служанок стояли рядом, явно намереваясь помочь господину раздеться.

...Это было совершенно ни к чему. Цзянь Суйчжоу махнул рукой, отсылая их прочь. Девушки послушно и бесшумно удалились. Принц обернулся к Мэн Цяньшаню:

— Ты тоже ступай.

Мэн Цяньшань опешил:

— А? Как же так?

Хозяин никогда не мылся без прислуги. Разве что в покоях господина Гу...

Тут до Мэн Цяньшаня дошло. Какой же он недогадливый! Ведь в комнате есть еще один хозяин, зачем тут нужен он, слуга?

Он закивал, расплываясь в довольной улыбке:

— Ой! Слуга немедленно уходит!

Цзянь Суйчжоу показалось, что выражение лица евнуха стало каким-то... неуловимо сальным.

Когда тот вышел, принц подошел к краю бассейна, наклонился проверить температуру воды, а затем начал снимать слои одежды, вешая их на стойку. Оставшись в одиночестве, он расслабился и снова погрузился в раздумья. Через пару дней — снова большая аудитория, нужно обсудить дело с тайным письмом со своими советниками...

Размышляя, он продолжал раздеваться. И как раз в тот момент, когда он развязал завязки нижнего платья и собрался его скинуть, за спиной раздался отчетливый звук. Цзянь Суйчжоу обернулся. Он увидел Мэн Цяньшаня, который толкал кресло Хо Уцзю. Генерал сидел прямо, с каменным лицом, будто его вкатили сюда вместо статуи Будды. За его спиной Мэн Цяньшань улыбался — одновременно похабно и многозначительно.

Мозг Цзянь Суйчжоу на мгновение отключился, но в следующую секунду он понял, какую игру затеял этот негодяй Мэн Цяньшань. Этот паршивец посмел притащить сюда Хо Уцзю, чтобы устроить им «совместное омовение мандаринок»?

От автора: Хо Уцзю: «У него и впрямь такие грязные мыслишки на мой счет».

<http://bllate.org/book/16965/1578845>